

К ВОПРОСУ О ПОЗИТИВНОЙ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2009 г. М.Б. Разгильдиева¹

Идея позитивной юридической ответственности разрабатывается в правовой теории достаточно давно и имеет как своих сторонников², так и оппонентов³. Несмотря на аргументированные выводы о фиктивности такого явления, как позитивная юридическая ответственность⁴, ее

концепция получает развитие в современных как общетеоретических, так и отраслевых научных разработках. Не стала исключением и сфера финансово-правовых исследований, в которых все большее распространение получает воззрение на финансово-правовую ответственность и ее подвиды как на многоаспектную категорию, включающую в свое содержание наряду с негативной, ретроспективной ответственностью и ответственность позитивную⁵. Может показаться, что проблематика позитивной юридической ответственности вообще и финансово-правовой в частности имеет характер исключительно теоретического спора и не обладает прикладным значением. Однако, думается, это не так. Одна из функций правовой науки – формирование рекомендаций по корректировке существующего правового регулирования на основе теоретического выявления закономерностей, свойств и потребностей в сфере общественных отношений, в связи с чем возникает вопрос, в достаточной ли степени научные исследования, посвященные позитивной финансово-правовой ответственности, последовательны в своем содержании для того, чтобы создавать основу для формирования подобных рекомендаций. Этим, на наш взгляд, определяется актуальность обращения к анализу аргументации, предлагаемой в подтверждение позиции о существовании позитивного аспекта финансово-правовой ответственности.

Обосновывая существование позитивной финансово-правовой ответственности, авторы выделяют в ее содержании юридические признаки, устанавливают ее взаимосвязь с социальной ответственностью, предлагают иные аргументы, анализ которых нередко приводит к выводу о на-

¹ Доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной академии права, кандидат юридических наук.

² См., например: *Смирнов В.Г.* Уголовная ответственность и наказание // *Правоведение*. 1963. № 4. С. 79; *Его же.* Функции советского уголовного права. Л., 1965. С. 78; *Краснов М.А.* Ответственность власти. М., 1997. С. 11; *Ретюнских И.С.* Уголовно-правовые отношения и их реализация. Воронеж, 1997. С. 19; *Черных Е.В.* Проблемы правовой ответственности в условиях развитого социалистического общества (Вопросы теории). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1981; *Строгович М.С.* Сущность юридической ответственности // *Сов. гос. и право*. 1979. № 5; *Кобец Н.Г.* Социальная ответственность в системе предупреждения правонарушений на предприятии // *Сов. гос. и право*. 1978. № 3. С. 88; *Базылев Б.Т.* Сущность позитивной юридической ответственности // *Правоведение*. 1979. № 4; *Радько Т.Н.* Юридическая ответственность как общая форма реализации социальных функций права // В кн.: *Юридическая ответственность в советском обществе. Труды Высшей следственной школы МВД СССР*. Вып. 9. Волгоград, 1974; *Клочков В.В.* Социальная ответственность и уголовный закон // *Правоведение*. 1987. № 2 и др.

³ См.: *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и сознание долга // В кн.: *Вопросы теории государства и права. Актуальные проблемы теории социалистического государства и права*. Межвуз. научный сборник. Саратов, 1983; *Николаева Л.А., Шмарцев А.Ю.* Административно-правовой аспект юридической ответственности // *Правоведение*. 1986. № 1; *Малеин Н.С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 131; *Шевченко Я.Н.* Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних. Киев, 1976. С. 27; *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 317; *Братусь С.Н., Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву // *Сов. гос. и право*. 1982. № 5. С. 142; *Лейст О.Э.* Юридическая ответственность // В кн.: *Общая теория государства и права. Академический курс*. В 3-х т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 3. М., 2002. С. 479–480 и др.

⁴ См., например: *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 196; *Коровов А.Е., Хохлов Е.Б.* Позитивная ответственность как теоретическая и практическая проблема // *Правоведение*. 2008. № 3. С. 13.

⁵ См., например: *Саттарова Н.А.* Принуждение в финансовом праве / Под ред. И.И. Кучерова. М., 2006. С. 321–322; *Арсланбекова А.З.* Правовое регулирование финансовых санкций. Махачкала, 2007. С. 50; *Затулина Т.Н.* Конституционные аспекты финансово-правовой ответственности // *Финансовое право*. 2007. № 3. С. 2–3.

личии противоречий в концептуальных разработках либо об их несоответствии положениям общей теории права.

Так, Л.Г. Вострикова, Ю.А. Крохина пишут, что позитивная финансово-правовая ответственность существует в силу добровольного выполнения субъектами финансового права своих обязанностей и обладает следующими юридическими признаками: связана с нормами финансового права (которые устанавливают финансово-правовой статус субъекта), является юридической обязанностью, гарантирована государственным принуждением, реализуется в виде правомерного поведения в рамках общих финансовых правоотношений⁶.

Указание на то, что позитивная ответственность “существует в силу добровольного выполнения... своих обязанностей”, подчеркивает, что авторы определяют позитивную ответственность как исполнение обязанностей. Однако из перечисленных далее юридических признаков следует, что это – не всякая юридическая обязанность, но лишь та, которая существует в рамках общих финансовых правоотношений. При этом не поясняется, какие финансовые правоотношения, по их мнению, являются общими⁷. Однако такое уточнение необходимо, поскольку означает, что юридические обязанности в рамках специальных (конкретных) финансовых правоотношений не относятся к позитивной ответственности.

Подразделение правоотношений на общие (общерегулятивные, статусные, первичные) и конкретные имеет под собой серьезную научную аргументацию⁸. В частности, по мнению Н.И. Матузова, специфика общерегулятивных правоотношений заключается в том, что они возникают на основе конституционных норм; не имеют индивидуализированного и детализированного характера; опосредуют наиболее важные, основополагающие отношения; выражают общее правовое положение (статус) субъектов, их взаимные права

и обязанности, свободу и ответственность друг перед другом и перед государством; возникают не из юридических фактов, а как правило, непосредственно из закона; служат предпосылкой для появления и функционирования разнообразных конкретных, частноотраслевых правоотношений⁹.

Изложенное означает, что под позитивной финансовой ответственностью, согласно представлению Ю.А. Крохиной и Л.Г. Востриковой, следует понимать не всякую финансово-правовую обязанность, а основанную на Конституции РФ обязанность соблюдать требования законов вообще и финансовых в частности, а также результат их соблюдения – правомерное поведение. Аналогичной позиции придерживается также А.А. Мусаткина, которая, уточняя ряд признаков, определяет позитивный аспект финансовой ответственности как обеспеченную государством финансово-правовую обязанность субъектов по соблюдению предписаний норм финансового права, реализующуюся в финансово-правомерном поведении, влекущем одобрение или поощрение¹⁰.

Таким образом, авторы выделяют два существенных момента: во-первых, это соблюдение обязанностей и, во-вторых, это правомерное поведение как результат такого соблюдения указанных обязанностей, подчеркивая, что таким образом отражается динамика ответственности, ее реализация. Следовательно, в статике, до ее реализации, под позитивной финансовой ответственностью понимается только финансовая обязанность в рамках общего правоотношения, в связи с чем не ясно, почему обязанность общего характера является позитивной ответственностью. Безусловно, обязанности общего характера обладают спецификой, которая отражена в рамках категории “общие правоотношения”. Но, представляется, обязанности и общих, и конкретных правоотношений однородны по своей природе, выступают гарантиями осуществления интересов управомоченных лиц и обладают одинаковой структурой¹¹, т.е. оснований для их разграничения на позитивную ответственность и “просто” обязанности, на наш взгляд, нет.

⁶ См.: Финансовое право для экономических специальностей. Учебник / Под общ. ред. С.О. Шохина. М., 2006. С. 48–49 (§ 2.5 “Финансово-правовая ответственность”. Автор главы – Л.Г. Вострикова); Крохина Ю.А. Финансовое право России. Учебник для вузов. М., 2004. С. 167–168.

⁷ В учебной литературе по финансовому праву, изданной в период 2003–2007 гг., подразделение финансовых правоотношений на общие и иные также отсутствует.

⁸ См., например: Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 117–138; Радько Т.Н. Теория государства и права. М., 2001. С. 271–289; Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права РФ. Саратов, 1995. С. 14–62.

⁹ См.: Матузов Н.И. Указ. соч. С. 137.

¹⁰ Теория государства и права. Учебник / Отв. ред. А.В. Малько. М., 2006. С. 291 (§ 4 гл. 19 “Финансовая ответственность в системе юридической ответственности”. Автор главы – А.А. Мусаткина).

¹¹ О структуре юридической обязанности см.: Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2006. С. 527.

Реализация позитивной ответственности обычно усматривается в правомерном поведении. Так, А.А. Мусаткина пишет: “Одной финансовой обязанностью нельзя исчерпать весь позитивный аспект реализации финансовой ответственности. В реальном правоотношении он объективируется в правомерном поведении ...”¹². При этом автором подчеркивается невозможность отождествления категории “правомерное поведение” с позитивным аспектом реализации юридической ответственности. Специфику позитивной юридической ответственности она видит именно в объединении в одном понятии таких категорий, как “юридическая обязанность по соблюдению предписаний правовых норм” и “правомерное поведение” как реализация этой обязанности¹³.

Но возможно ли их объединение в рамках непротиворечивой правовой конструкции? Категория “правомерное поведение” имеет устоявшееся понимание как поведение, соответствующее требованиям правовых предписаний, связанное не только с исполнением обязанностей, но и с использованием субъективных прав¹⁴. Следовательно, “правомерное поведение” по своему содержанию шире, чем “обязанность” и ее соблюдение. С позиции логики это означает, что указанные категории не могут быть включены в структуру единого понятия, поскольку они не совпадают по своему объему.

Можно предвидеть возможное в данном случае возражение: в анализируемом определении речь идет об обязанности соблюдения предписаний норм финансового права. Но в этом случае мы обнаруживаем серьезную доктринальную ошибку. Под нормативно-правовым предписанием понимается цельное, логически завершенное и формально закрепленное в тексте нормативного акта властное веление правотворческого органа¹⁵, т.е. все содержание нормы: установленные в ней и обязанности, и права, в связи с чем не ясно, почему субъекты финансового права в рамках позитивной финансовой ответственности обязываются пользоваться своими правами. Следует признать неприемлемым доктринальное

обоснование “обязанности действовать правомерно”¹⁶, “обязанности по соблюдению предписаний норм финансового законодательства”¹⁷, поскольку естественным ходом ее развития будет утверждение о возможности юридической ответственности (негативного, ретроспективного характера) за ее нарушение, т.е. за допущение неправомерного поведения, к которому вполне может быть отнесено не только нарушение обязанностей, но и не использование субъектом своих прав.

Определенные сомнения возникают и при анализе такой характеристики, как наличие одобрения или поощрения финансово-правомерного поведения, в котором происходит реализация позитивного аспекта финансовой ответственности. Из определения, предложенного А.А. Мусаткиной¹⁸, следует, что любое финансово-правомерное поведение, в рамках которого происходит исполнение финансовых обязанностей, либо одобряется, либо поощряется, но так ли это на самом деле?

При рассмотрении правового поощрения обычно указывается, что оно является разновидностью одобрения. Последнее – более широкое понятие, родовое, включающее в себя поощрение как разновидность¹⁹. Однако следует согласиться с В.В. Нырковым, который отмечает, что абстракция “одобрение” принадлежит больше к области нравственно-этической, практически не разработана в качестве специфической юридической категории, а ее использование отражает большое число разнородных явлений, тесно с поощрением не связанных (одобрение законопроекта, одобрение вышестоящим органом акта применения права, изданного нижестоящим, и т.п.)²⁰. Именно поэтому и подчеркивается обычно, что правовое поощрение осуществляется в особой форме одобрения – юридической, т.е. имеет соответствующую меру, закреплено в актах государства, форма

¹⁶ Мусаткина А.А. Указ. соч. С. 29.

¹⁷ Там же. С. 40.

¹⁸ См.: Мусаткина А.А. Указ. соч. С. 40. Позитивная финансовая ответственность определена как финансово-правовая обязанность субъектов финансово-правовых отношений по соблюдению предписаний норм финансового законодательства, реализующаяся в финансово-правомерном поведении, влекущем одобрение или поощрение со стороны государства.

¹⁹ См.: Гуцина Н.А. Поощрительные нормы российского права: теория и законодательная практика. СПб., 2003. С. 113–115; Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2003. С. 140; Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2006. С. 757.

²⁰ См.: Нырков В.В. Поощрение и наказание как парные юридические категории. Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 99.

¹² Мусаткина А.А. Понятие позитивной финансово-правовой ответственности // Финансовое право. 2005. № 7. С. 34.

¹³ См.: Мусаткина А.А. Финансовая ответственность в системе юридической ответственности. Дисс. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004. С. 18–21.

¹⁴ См.: Сырых В.М. Теория государства и права. Учебник для вузов. М., 2006. С. 373–376; Кулапов В.Л. Теория государства и права. Учебное пособие. Саратов, 2005. С. 306.

¹⁵ См.: Сырых В.М. Указ. соч. С. 128–131.

и мера его известны заранее, установлены определенные процедуры его применения²¹.

Поскольку категория “поощрение” более разработана в юридической науке, то сначала проанализируем трактовку позитивной финансовой ответственности как финансово-правовой обязанности субъектов по соблюдению предписаний норм финансового законодательства, реализующейся в финансово-правомерном поведении, влекущем поощрение.

Несмотря на различные подходы к проблеме поощрения в праве, авторы единодушны в том, что поощрение устанавливается за совершение заслуги, под которой понимаются два вида правомерного поведения: добросовестное выполнение субъектами права возложенных на них юридических обязанностей, имеющее характер постоянного или длительного правомерного поведения, либо правомерное “сверхнормативное” действие – действие желательное, но не обязательное²². Первый вариант поощрения – за длительное и постоянное правомерное поведение – характерен для трудовых и служебных отношений и не встречается в финансовом праве. Второй – поощрение за совершение действий желательных, но не обязательных – имеет место в сфере финансово-правового регулирования. Так, к числу поощрительных норм финансового законодательства можно отнести нормы федерального закона, предусматривающего так называемую “налоговую амнистию”²³, который устанавливает, что физические лица вправе исчислить и уплатить декларационный платеж.

Таким образом, определение финансовой ответственности в позитивном аспекте как обязанности соблюдать предписания финансово-правовых норм, реализующейся в правомерном поведении, влекущем поощрение, означает обязанность соблюдать предписания поощрительных финансово-правовых норм. Это не соответствует теории правового поощрения, согласно которой поощряемое поведение не закрепляется в форме обязывания и противоречит реально существующему правовому регулированию в финансовой сфере.

Спорным представляется также такой признак позитивной финансовой ответственности, как наличие государственного одобрения правомерного поведения субъекта финансового права.

Поскольку речь идет о признаках юридической категории, то, очевидно, они должны отражать существенные правовые свойства явления. Полагаем, “одобрение государством” как правовое понятие должно обозначать некий процесс, осуществляемый субъектом, уполномоченным производить оценку поведения как одобряемого или неодобряемого, регламентированный нормами права, являющийся следствием правомерного поведения. По мнению А.А. Мусаткиной, инстанциями оценки финансово-правомерного поведения являются налоговые органы, Счетная палата, Центральный банк РФ, осуществляющие контроль в подведомственных им сферах финансовых правоотношений в целях не только выявления правонарушений, но и констатации правомерного поведения, влекущего одобрение, закрепляемое в соответствующем процессуальном документе²⁴.

Таким образом, деяния, заслуживающие одобрения, выявляются в ходе тех же мероприятий, которые нацелены на выявление нарушений, т.е. в процессе финансового контроля. Но анализ литературы, посвященной контрольной деятельности, показывает, что сущность контроля связывается именно с выявлением нарушений, но не оснований для одобрения²⁵. Нельзя признать верным отождествление констатации правомерного поведения и его одобрения. Констатация – это установление несомненности существования или наличия чего-либо²⁶. Одобрение – возможное следствие констатации факта правомерного поведения. В процессуальных актах, составляемых по результатам проверочных мероприятий, фиксируются выявленные нарушения или констатируется их отсутствие и соответствие деятельности субъекта финансового права требованиям законодательства. В какой же форме тогда реализуется одобрение? В качестве возможных последствий констатации правомерного поведения можно назвать: отсутствие негативной юридической ответственности или иных мер принуждения; воз-

²¹ См.: Гуцина Н.А. Указ. соч. С. 113–115; Малько А.В. Указ. соч. С. 140.

²² См.: Гуцина Н.А. Указ. соч. С. 35; Нырко В.В. Указ. соч. С. 100–103; Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. С. 36; Малько А.В. Заслуга как основание для правового поощрения // Право и политика. 2003. № 11. С. 120–121.

²³ См.: Федеральный закон “Об упрощенном порядке декларирования доходов физическими лицами” от 30 декабря 2006 г.

²⁴ См.: Мусаткина А.А. Финансовая ответственность в системе юридической ответственности. Дисс. ... канд. юрид. наук. С. 39–40.

²⁵ См.: Бурцев В.В. Организация системы государственного финансового контроля в РФ. С. 34; Беляев В.П. Контрольная форма юридической деятельности (Общетеоретический аспект) / Под ред. А.В. Малько. СПб., 2006. С. 44.

²⁶ Большой словарь иностранных слов / Сост. А.Ю. Москвин. М., 2006. С. 307.

возможность расширения правового статуса субъекта (если для этого необходимо соответствие определенным условиям, которое и констатируется актом уполномоченного органа). Например, в целях расширения деятельности кредитной организации необходимо получить лицензию на банковские операции, которая выдается при условии, что ее деятельность в течение предшествующих шести месяцев соответствовала определенным требованиям²⁷. Однако и это, на наш взгляд, не может быть оценено как одобрение действий субъекта, связанных с исполнением финансово-правовых обязанностей, поскольку речь идет об использовании права – права на получение лицензии. Как справедливо замечает В.М. Сырых, право не интересуется, как действует человек, если он не нарушает интересов или права других лиц²⁸. Именно поэтому одобрение всякого правомерного поведения, за исключением поощряемого, не имеет правового характера и в большинстве случаев “просто фиксируется факт исполнения обязанностей перед государством (например, прием налоговых деклараций)”²⁹.

Отмеченное означает, что государственное одобрение финансово-правомерного поведения не обладает правовым выражением, следовательно, не может включаться в структуру содержания правового понятия “позитивная финансовая ответственность”.

Рассмотрим еще один встречающийся аргумент, приводимый приверженцами теории многоаспектного понимания юридической ответственности. Во многих работах отмечается, что позитивный и негативный аспекты юридической ответственности представляют собой диалектическое единство³⁰. Этим презюмируется, что рассуждения о позитивном аспекте ответственности базируются на серьезной методологической основе: важнейшем законе материалистической диалектики – законе единства и борьбы противоположностей. Уместно в связи с этим задаться вопросом: действительно ли обязанность соблюдать предписания правовых норм и обязанность претерпеть осуждение со стороны государства

соотносятся как противоположности единого целого?

Всеобщие признаки всякого единства противоположностей всестороннее освещение получили в философской литературе³¹. Противоположности являются диалектическими только в том случае, если они представляют собой существующие одновременно, взаимодействующие антиподы, понимание одного из которых невозможно без учета содержания другого. Исходя из этого, полагаем, что обязанность соблюдать предписания правовых норм и обязанность претерпеть осуждение со стороны государства не являются диалектическими противоположностями, и прежде всего потому, что обязанности, хоть и разные по содержанию, не могут рассматриваться как антиподы друг другу. По сути, речь ведется о тождественных по содержанию обязанностях: соблюдать предписания правовых норм. В первом случае это – обязанности норм, регламентирующих “желательные” отношения, во втором – “нежелательные”, связанные с правонарушением. Нельзя игнорировать и общеизвестного суждения, что понимание обязанности достигается через анализ ее связи не с другими обязанностями того же субъекта, а с правами другого лица. Диалектическое взаимодействие противоположностей констатируется именно в отношении связи “обязанности – права”, но не “обязанности – обязанности”.

Следует учесть замечание В.М. Сырых о том, что диалектический материализм имеет строго определенную сферу применения – относится только к законам движения и развития того или иного явления³². Обращает на себя внимание, что А.А. Мусаткина, определяя понятие финансовой ответственности, подчеркивает именно этот аспект – рассмотрение данного правового явления в его динамике. Динамика юридической ответственности в этом случае может быть представлена следующим образом: соблюдение обязанности (позитивная ответственность); несоблюдение обязанности – обязанность претерпеть осуждение и ее соблюдение (негативная ответственность). Таким образом, толчком к взаимодействию “противоположностей”, развитию явления юридической ответственности от позитивной к

²⁷ См.: Инструкция ЦБР “О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций” от 14 января 2004 г. Разд. III.

²⁸ Сырых В.М. Указ. соч. С. 373.

²⁹ Осинцев Д.В. Указ. соч. С. 49.

³⁰ См., например: Мусаткина А.А. Финансовая ответственность в системе юридической ответственности. Дисс. ... канд. юрид. наук. С. 13; Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности / Под ред. Р.Л. Хачатурова. СПб., 2003. С. 10.

³¹ См.: Горбач В.И. Проблемы диалектических противоречий. М., 1972. С. 74, 91, 112; Бородин В.В. Проблемы противоречия в материалистической диалектике. М., 1982. С. 83–84; Ныров В.В. Поощрение и наказание как парные юридические категории / Под ред. А.В. Малько. Саратов, 2006. С. 46–49.

³² Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. М., 2004. С. 84, 192.

негативной выступает несоблюдение обязанности, т.е. ее своеобразное исчезновение, уничтожение. Кавычки отражают наше мнение, что и в этом случае диалектические противоположности отсутствуют. В качестве аргумента приведем замечание В.В. Бородкина о противоположностях, характеризующих свойства процесса развития. К этим свойствам он относит исчезновение, уничтожение и возникновение, становление и т.д. чего-либо. "Все они представляют собой диалектические противоположности, если и только если они характеризуют различные части, элементы... системы. Как свойства развивающейся системы они находятся в отношениях неразрывной связи и взаимной обусловленности, но не взаимодействия. Поэтому диалектических противоречий они не образуют"³³. Поскольку обязанности не могут рассматриваться как разные элементы системы, то приходим к выводу, что предлагаемое определение юридической ответственности в двух ее аспектах действительно отражает процесс развития обязанности субъекта, обусловленность возникновения одной обязанности исчезновением (несоблюдением) другой, которые однако не образуют диалектического противоречия.

Рассмотрим еще одно заслуживающее внимание суждение, предлагаемое сторонниками позитивного аспекта юридической ответственности в обоснование ее существования, а именно: указание на соотношение позитивной финансовой ответственности и социальной ответственности как частного и общего. На этом основании делается вывод, что в суждениях сторонников только ретроспективной ответственности имеются логические противоречия, поскольку, признавая, что в содержание общесоциологического понятия наряду с ретроспективным входит и перспективный аспект, они в то же время отрицают наличие перспективного аспекта юридической ответственности³⁴.

Не оспаривая утверждения о том, что юридическая ответственность выступает разновидностью социальной, необходимо заметить, что наличие позитивного аспекта социальной ответственности не является общепризнанным в той степени, которая подразумевается в представленном суждении. В философии ответственность не имеет того гипертрофированного объема, ко-

торый мы встречаем в юридической литературе о позитивной юридической ответственности, но упоминается как фактор, осложняющий положение индивида, осуществляющего свободный выбор. Анализ философской литературы данной направленности показывает, что свобода воли и выбора, ответственность за свой выбор связываются прежде всего с моралью и нравственной сферой субъекта, его совестью³⁵. Отмеченное следует специально подчеркнуть: позитивная, положительная ответственность связывается с моральной ответственностью и не характерна для иных видов социальной ответственности. Так, А.П. Черминана отмечает, что моральная ответственность может выступать в двух формах: как объективная неизбежность быть судимым за прошлое, за совершенный проступок и как субъективная внутренняя моральная ответственность индивида. Поэтому в морали ответственность выступает в двух аспектах: "отрицательном" и "положительном", что и отличает ее от правовой и политической³⁶.

В связи с этим приходим к следующему суждению. В научной литературе позитивное понимание социальной ответственности связывается далеко не со всеми составляющими ее видами. Следовательно, для того чтобы утверждать, что юридическая ответственность обладает позитивным аспектом в таком же ракурсе, что и социальная ответственность, необходимо доказать, что им обладает именно социальная ответственность в целом, а позитивный ее аспект действительно является общим признаком ее видов. Это, в свою очередь, означает: утверждать наличие позитивного аспекта у социальной ответственности можно лишь в том случае, если будет подтверждено наличие позитивного аспекта у юридической ответственности, а не в обратной последовательности.

Заметим, что обращение к сфере философского знания может являться важной методологической основой для понимания феномена юридической ответственности вообще и финансово-правовой ответственности в частности. Но нередко исследователи-юристы, базируя свое представление о юридической ответственности на данных философии, ограничиваются ими. При этом не учиты-

³³ Бородкин В.В. Проблемы противоречия в материалистической диалектике. С. 194.

³⁴ См.: Литинский Д.А. Проблемы юридической ответственности / Под ред. Р.Л. Хачатурова. С. 9–10; Мусаткина А.А. Финансовая ответственность в системе юридической ответственности. Дисс. ... канд. юрид. наук. С. 13.

³⁵ См.: Ивин А.А. Социальная философия. Учебное пособие. М., 2003. С. 272; Кучевский В.Б. Социальная философия: общество и сферы его жизнедеятельности. М., 2003. С. 65–72; Поздняков Э.А. Философия преступления. М., 2001. С. 481–490.

³⁶ См.: Черминана А.П. Проблема ответственности в современной буржуазной этике // Вопросы философии. 1965. № 2. С. 86.

вается, что далеко не все философские категории могут быть внедрены в правовую теорию в неизменном виде. Лаконично эту мысль обосновал Р. Лукич, указав, что в отношении права могут быть поставлены те же вопросы о мире или о сущем, что и в философии. Но право – лишь часть окружающего мира, и ответ на философские вопросы о мире не является одновременно и ответом на подобные же вопросы о праве, поскольку оно может отличаться от окружающего мира, взятого в целом, и соответственно от прочих его частей³⁷. Заимствование философских подходов к соотношению свободы и ответственности при обосновании позитивной финансово-правовой ответственности зачастую приводит правоведов к ошибочным выводам.

Так, В.В. Казаков определяет налоговую ответственность как надлежащее исполнение участниками налоговых правоотношений обязанностей, закрепленных в налоговых правовых нормах, в случае неисполнения (ненадлежащего исполнения) которых к участникам применяются меры, содержащиеся в санкциях налоговых правовых норм³⁸. Автор связывает ответственность с наличием обязанности. Суть ее видит в надлежащем исполнении обязанности, предлагает широкую по объему трактовку ответственности, т.е. фактически ведет речь и о позитивной ее составляющей, хотя и не выделяет ее в какую-либо самостоятельную форму.

Свое понимание юридической ответственности В.В. Казаков строит на тезисе, что решение проблемы юридической ответственности должно опираться на философское понимание категории социальной ответственности, которая, как известно, тесно связывается с категорией свободы. На этом основании автор заключает, что если “свобода представляет собой возможность принимать решения со знанием дела, то ответственность – это необходимость или обязанность принятия решений, соответствующих либо нет социальным требованиям, предъявляемым субъекту”³⁹.

Последнее утверждение, думается, не охватывает всего содержания, которым обычно наделяется термин “ответственность”. Это не единственно возможный подход к определению ответственности, если рассматривать ее как категорию, взаимосвязанную со свободой воли и ее реализацией в общественных отношениях, урегулированных

социальными нормами, в том числе правовыми. Так, общепризнано, что ответственность – это еще и обязанность понести негативные последствия своего поведения (если оно не соответствует требованиям социальных норм), и в этом случае, как правило, у субъекта нет возможности принимать какое-либо решение. Реакция общества (или уполномоченного органа) для нарушителя неотвратима и не связывается с его волеизъявлением.

Для того чтобы оценить позицию, представленную В.В. Казаковым, определим, каким образом философские категории свободы и ответственности трансформируются в категории правовые, приобретают юридическое оформление и можно ли на этой основе обосновать существование позитивной финансово-правовой ответственности. Для этого необходимо уяснить, что понимается под свободой в современной философии. Формально свобода определяется как такое отношение субъекта к его актам, при котором акты эти определяются в качестве решающей причины самим субъектом. Субъект здесь играет роль верховного арбитра, дающего свое согласие на акт и определяющего его целенаправленность⁴⁰. Свободы нет без возможности выбора, но подлинная свобода означает нечто большее, чем только выбор. Она означает творческое искание новых путей и возможностей в самоосознании “я”⁴¹.

Итак, в современном понимании свободы акценты существенно смещены ближе к ее индивидуалистическому толкованию, т.е. свободу можно трактовать прежде всего как имеющуюся у субъекта возможность самостоятельного выбора своих целей и действий по их достижению.

Каково же соотношение свободы и ответственности? Среди научных воззрений наиболее распространенным является указание на то, что свобода и ответственность есть нераздельное единство, ответственность есть содержательный элемент свободы. По мнению С.А. Левицкого, свобода есть не только состояние перед моментом выбора, но и сам выбор со всеми его последствиями. “Истинная свобода есть не безответственная игра возможностями, а осуществление своих неповторимых возможностей, отягощенное ответственностью”⁴², т.е. автор рассматривает ответственность как необходимую составляющую свободы, без которой свобода, очевидно, не исчезает, но перестает быть истинной.

³⁷ См.: Лукич Р. Методология права / Пер. с сербо-хорватского / Под ред. Д.А. Керимова. М., 1981. С. 69.

³⁸ См.: Казаков В.В. О понятии ответственности в налоговом праве // Финансовое право. 2005. № 7. С. 38.

³⁹ Там же.

⁴⁰ См.: Левицкий С.А. Трагедия свободы. 1984. С. 121.

⁴¹ См.: там же. С. 133, 98.

⁴² Там же. С. 202.

По мнению О.В. Орловой, свобода человека проявляется прежде всего в следовании всех и каждого праву. А это, считает автор, как раз и есть ответственное поведение. Отсюда свобода и ответственность – две стороны одной и той же медали⁴³. Таким образом, автор также рассматривает ответственность как необходимую составляющую свободы. Правда, не учитывается, что свобода как выбор собственного поведения может проявиться и в поведении, не соответствующем требованиям права, т.е. в безответственном поведении. При этом ответственность негативного характера (наказание) за такое поведение может последовать не всегда. Это, в свою очередь, означает, что выбор поведения, не соответствующего требованиям правовой (социальной) нормы, есть несвобода, с чем трудно согласиться.

А.С. Шабуров также исходит из устоявшегося в науке мнения о неразрывном единстве свободы и ответственности и полагает, что ответственность выступает не просто условием свободы, другой ее стороной, но и объективным фактором обеспечения, т.е. чем-то внешним для нее. Одновременно с этим он отмечает, что ответственность органически входит в содержание свободы⁴⁴, что не совсем понятно: как нечто внешнее для свободы, тем не менее, составляет ее внутреннее содержание?

Можно ли на основании изложенного предположить, что общепринятое в науке суждение о единстве свободы и ответственности является ошибочным? Полагаем, что нет. На наш взгляд, причина подобных противоречий заключается в том, что ответственность как категория общесоциального и философского плана есть категория многоаспектная. Толкование ее в том или ином аспекте меняет ее соотношение со свободой: в одних случаях ответственность будет являться действительно необходимым элементом свободы, в других – нет, выступая как внешний фактор для нее.

Для пояснения данного суждения выясним, что понимается под ответственностью как категорией философско-социальной.

А.С. Шабуров отмечает двойственную природу социальной ответственности, которая выступает и как социальный феномен, и как качество личности, что определяется двойственной природой самого человека. С одной стороны, он – необходимая составляющая общественного организма,

немыслимая вне общества, с другой – личность-индивидум, имеющая собственные, отличные от общественных интересы, субъективно для себя мыслимое существо⁴⁵. Полагаем такой подход верным и обоснованным. Однако далее автор определяет ответственность как общественно необходимое требование активного, инициативного исполнения долга⁴⁶. Но это только социальная сторона ответственности, а ведь есть еще одна – субъективно-индивидуальная, внутренняя.

В советской социологической литературе ответственность рассматривается как способность человека оценивать свои поступки с точки зрения их пользы или вреда для общества, предвидеть последствия совершаемых действий, руководствоваться в своих действиях целями и мотивами, за которые человек готов отвечать в случае их несоответствия общественным интересам⁴⁷. Но названная способность, по мнению М.Д. Шаргородского, В.А. Кучинского, – это не сама ответственность, но лишь необходимое условие, позволяющее ее обосновать и реализовать при совершении лицом неправильных (противоправных, аморальных) поступков⁴⁸. Это та существенная черта личности, которая в юриспруденции позволяет говорить о ее деликтоспособности⁴⁹.

Представляется, что именно это и есть тот “внутренний”, личностный аспект ответственности, который часто обозначается как чувство ответственности, чувство долга и, безусловно, не может рассматриваться в отрыве от человеческого сознания, его морали, нравственности и совести, но на уровне правового регулирования этот аспект ответственности имеет более узкое содержание (как способность осознавать действующие правовые ограничения и последствия собственного поведения) и собственное терминологическое обозначение – вменяемость, порождающая деликтоспособность. Правильно отмечает В.А. Кучинский, что поскольку в общесоциальном аспекте не выработано особого понятия, выражающего способность личности отвечать за свои поступки (подобно деликтоспособности в юриспруденции), то здесь имеет место употребление термина “ответственность” и в плане способности нести от-

⁴³ См.: Орлова О.В. Гражданское общество и личность: политико-правовые аспекты. М., 2005. С. 58–62.

⁴⁴ См.: Шабуров А.С. Политические и правовые аспекты социальной ответственности личности. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 14.

⁴⁵ См.: Шабуров А.С. Указ. соч. С. 10–11.

⁴⁶ См.: там же.

⁴⁷ См.: Тугаринов В.П. Личность и общество. М., 1965. С. 52; Смирнов Г.Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М., 1973. С. 261.

⁴⁸ См.: Шаргородский Д.М. Детерминизм и ответственность // Правоведение. 1968. № 1. С. 46; Кучинский В.А. Личность, свобода, право. М., 1978. С. 51.

⁴⁹ Кучинский В.А. Указ. соч. С. 51.

ветственность. При этом не следует упускать из виду, что речь в данном случае идет о тех качествах личности, которые выражаются в осознании ею совершаемых поступков, правильной оценке возможных последствий, готовности держать за них ответ⁵⁰.

Таким образом, в содержании ответственности как общесоциальной и философской категории, на наш взгляд, отчетливо выделяются три аспекта.

Первый аспект социальной ответственности – ответственность выступает тем социальным требованием, которое общество адресует своим членам. Суть этого требования – необходимость и обязательность оценки субъектом собственных действий и актов с точки зрения добра и зла, должного и не должного и т.д. Представляется, что в этом аспекте ответственность выступает в форме социальной нормы, которая формулирует данное требование и тем самым предусматривает возможность применения санкции за его несоблюдение. В этом аспекте ответственность выступает ограничением свободы индивида и действительно необходимым ее условием. “Без такого рода посягательств невозможна жизнь общества, поскольку нельзя дать людям права, возложить на них обязанности, защитить человека, его жизнь, собственность, наконец, саму свободу иначе, как только за счет ограничения этой самой свободы”⁵¹.

Составляя важное условие свободы, она, тем не менее, не входит в ее содержание. Выбирая и реализуя собственное поведение, лицо поступает свободно независимо от того, ответственно или нет оно подошло к своему выбору. Однако если безответственно, т.е. с нарушением требования социальной нормы, то в этом случае в отношении такого лица будут применяться санкции как механизм защиты свободы иных членов общества.

В связи с этим, полагаем, нельзя согласиться с точкой зрения А.С. Шабурова, что ответственность находит свое юридическое выражение в диалектическом единстве прав и обязанностей, что характерный для права принцип единства прав и обязанностей есть юридическое выражение ответственности⁵². Думается, что правами и обязанностями определяются некоторые границы свободы субъекта, границы его свободного выбо-

ра и свободного волеизъявления: воспользоваться правом или нет, исполнить обязанность или не соблюсти ее. Здесь присутствует возможность выбора, а следовательно, присутствует свобода, точно так же как при выборе любого иного действия субъекта. Таким образом, в единстве прав и обязанностей субъекта проявляется его свобода в тех сферах жизнедеятельности, которые подвергаются правовому регулированию. Рассматриваемый же аспект ответственности, по нашему мнению, не имеет правовой формы на уровне правоустановленного, формально определенного. Именно поэтому возможен разрыв между требованиями морали и формальным соблюдением нормативных предписаний.

Второй аспект социальной ответственности – ответственность как субъективная способность производить оценку собственных актов с точки зрения должного и не должного, разрешенного и запрещенного, добра и зла, с позиции существующих и необходимых ограничений индивидуальной свободы. Лицо, которое в силу физиологических, психических или иных причин не способно производить эту мыслительную операцию, нельзя назвать свободным, поскольку объем его свободы не совпадает с объемом свободы остальных членов общества. Оно может быть свободно даже в большей степени, чем они, так как не ведает границ своей свободы, ее детерминации какими-либо ограничениями, но как социальный феномен, думается, такая свобода утрачивает свое значение. Поэтому, по нашему мнению, в таком понимании ответственность является необходимой частью свободы, ее важнейшим содержательным элементом.

Этот аспект ответственности имеет юридическое выражение в таких категориях, как “вменяемость” и обусловленная ею “деликтоспособность лица”, хотя понятно, что последние не охватывают всего содержания этого аспекта ответственности (в частности, того, что принято называть чувством ответственности, долга)

Третий аспект социальной ответственности – ответственность как реакция общества на сознательно избранное субъектом поведение, его следствие. С давних времен подмечено, что общество воздействует на поведение своих членов двояко: одобряет или осуждает его. Поэтому и ответственность в данном аспекте нужно рассматривать в следующих направлениях: как ответственность позитивную (одобряющую и поощряющую социально значимое поведение) и как ответственность негативную (осуждающую и наказывающую социально вредное поведение). В

⁵⁰ См.: там же. С. 53.

⁵¹ Поздняков Э.А. Указ. соч. С. 476.

⁵² Следует пояснить, что цитируемый автор исходит из того, что ответственность социальная (в позитивном своем значении) не есть правовое явление, но имеет юридические формы закрепления (см.: Шабуров А.С. Указ. соч. С. 16, 23).

этом аспекте ответственность имеет юридическое выражение в виде применения мер поощрения и мер принуждения (наказания). Думается, что в таком понимании ответственность не составляет содержания свободы, а выступает ее следствием.

Разграничение указанных аспектов ответственности позволяет предложить следующую “модель” воздействия на поведение человека. При выборе поведения на субъекта распространяется социальное требование оценить свои действия и их последствия с точки зрения должного в данном обществе. Он может исполнить данное требование, производя соответствующую сознательно-мыслительную операцию (проявить свое чувство ответственности или долга). Если избранное поведение не соответствует должному, то его последствия наиболее ярко проявляются в правовой сфере (хотя в упрощенной форме их можно наблюдать и при реализации моральных санкций). Так, лицо не будет подвергаться осуждению (нести ответственность), если оно в силу возраста или иных причин не могло произвести указанную сознательно-мыслительную операцию соотнесения своего поведения с должным; если субъект мог это сделать, но не сделал, то это рассматривается как его вина, что, в свою очередь, служить

основанием для осуждения и наказания (т.е. для реализации третьего аспекта ответственности).

Таким образом, сведение ответственности в позитивном ее значении к обязанности субъекта не совсем верно, поскольку лишь в одном своем проявлении ответственность представляет собой обязанность, а именно: социальное требование оценивать свое будущее поведение с позиции должного и возможного. Но эта обязанность не имеет юридического характера, она не закреплена правом. Неверно отождествлять ответственность (в позитивной ее форме) с обязанностями юридическими и их исполнением, поскольку в юридических обязанностях и правах проявляется не ответственность, а свобода индивида, ее границы в тех сферах человеческой жизнедеятельности, которые подвергаются правовому регулированию.

На основании проведенного исследования имеющих в финансово-правовой теории подходов к определению и обоснованию позитивного аспекта финансово-правовой ответственности можно констатировать необоснованность позиции о позитивном аспекте финансово-правовой ответственности, отсутствие достаточной степени аргументации, основной объем которой не выдерживает критического анализа.